

Хотя буддизм и индуизм признают переселение душ, невары из низших каст не имеют об этом никакого представления. Для них смерть — дело рук божества или злого духа. В отличие от гуркхов, в большинстве случаев невары не выносят умирающего из дома, а оставляют его в специальной комнате. Трупы обычно кремируются.

Большой интерес представляет глава о кастах. По традиции считается, что чуждое разделение неваров на касты было произведено царем Джаястхити Маллой в XIV в., разделившим население Долины на 64 касты. У Г. А. Оулдфильда мы находим описание 52 каст⁷. Г. С. Непали удалось установить наличие лишь немногим более 20 каст, и он считает, что упрощение кастовой системы частично можно объяснить немногочисленностью неварского населения. Наряду с этим происходит процесс своеобразной унификации кастовой системы у индуистов и буддистов: в настоящее время по названиям отличаются лишь четыре высшие касты, а все остальные носят одинаковые названия у обеих религиозных групп неваров. Автор подчеркивает, что кастовые ограничения у неваров менее строги, чем у гуркхов, и проявляются главным образом в предписании наследственности занятий и правилах приема пищи. Возможны браки между смежными кастами. Дети от такого брака занимают промежуточное положение, а с течением времени могут даже подняться выше по кастовой лестнице.

В отдельной главе книги рассматривается неварская семья. Традиционные патрилинейные семьи бывают очень большие: 40, 70 и даже 100 человек, но теперь преобладают средние семьи. Например, в Катманду они обычно состоят из 4—12 человек (в среднем — 7). Наблюдается дальнейшая тенденция к уменьшению семьи. Многоженство (не более двух жен) встречается редко, и только в том случае, если от первой жены не было детей. Разводы также бывают довольно редко, но они возможны либо с взаимного согласия мужа и жены, либо в случае ухода жены с другим. Если жена кладет на грудь умирающего супруга два ореха бетеля, это также обозначает развод, и она освобождается от траура. Родственники мужа это всегда приветствуют, так как жена в таком случае отказывается от права на наследство.

В главе о религии Г. С. Непали указывает, что обе религии неваров — буддизм и индуизм — подверглись сильному взаимному влиянию. Из описания автора можно заключить, что неварский буддизм характеризуется тремя особенностями: 1) признанием большинства индуистских божеств; 2) признанием кастовой системы; 3) отсутствием монашества.

Невары-индуисты — в основном шиваиты. Они поклоняются Шиве главным образом в форме Бхайрава, т. е. Гневного Шивы. Невары чтут также его сына Ганеша, Вишну, Кришну и др. Признают они также буддийские божества, поэтому основное различие между последователями двух религий заключается в предпочтении священнослужителя — индуиста или буддиста. Важными объектами поклонения большинства неваров также являются различные злые и добрые духи, водоемы и многие животные. В заключение главы о религии Г. С. Непали приходит к двум выводам: 1) «преобладающей чертой неварской религии является анализм», 2) «Пантеон неварских божеств очень похож на их собственную социальную систему» (стр. 340). По-видимому, у неваров, как и у многих народов Южной Азии, наиболее древние анимистические представления все еще очень сильны и живучи.

Книга «Невары» Г. С. Непали является очень ценным исследованием, а в ряде случаев и единственным источником по многим вопросам, касающимся социальной структуры неварского общества, быта и религии неваров. Недостаточно полное освещение некоторых вопросов, затронутых в книге, существенно не снижает ее значения. Книга представит большой интерес не только для непадологов, но и для широкого круга этнографов, историков религии, индологов и социологов.

А. А. Праззуск

⁷ H. A. Oldfield, *Sketches from Nepal*, London, 1880, p. 177—187.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

А. Н. Шлепаков. *Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма*. М., 1966, 501 стр.

Советское иммигрантоведение пополнилось в минувшем году большой книгой А. Н. Шлепакова. Разрабатываемая в ней тема, несмотря на ее важность, далеко не достаточно исследована в марксистской литературе, как советской, так и зарубежной. Массовые миграционные движения, сыгравшие значительную роль практически в истории всех народов, во многом определяют состав населения большинства стран и его этнические характеристики, были особенно важны для Америки. Разумеется, закономерности миграций меняются в зависимости от исторической эпохи, в которую они происходят. В книге А. Н. Шлепакова рассматривается иммиграция империалистической эпохи, причем изложение доведено до наших дней. Главный предмет книги — иммиграция в США и американский рабочий класс — составляет важнейший

аспект американской иммиграционной проблемы уже потому, что большая часть иммигрантов становилась в Америке рабочими. Исследовательская разработка всех сторон такого многообразного явления, как иммиграция, в одной книге невозможна, и выбор автором экономической и политической сердцевины проблемы вполне закономерен. Остается только пожалеть, что так мало затронуты в его книге этнические процессы и культурное взаимодействие национальных групп.

А. Н. Шлепаков использовал для этой работы весьма ценные первоисточники, далеко не всегда доступные советским исследователям. Это американские архивы — официальные, профсоюзные, архивы различных общественных организаций и деятелей — и даже беседы с конгрессменами. Привлечены также документы советских архивохранилищ — Архива внешней политики России и украинских архивов. Использована американская пресса, из иммигрантских органов печати — главным образом славянские.

Материал книги дается в хронологическом порядке. В первой же главе, изложив вкратце ход иммиграции в Америку с начала заселения ее европейцами, автор характеризует иммиграцию конца XIX — начала XX в., составляющую исходный рубеж его исследования. Он освещает условия, побудившие переселенцев покинуть страны эмиграции — остальные по тому времени государства Восточной и Южной Европы с пережитками крепостничества, полицейским режимом и жестоким национальным гнетом. Однако анализ его в этой части работы вызывает некоторые возражения. «Сам процесс переселения не был результатом стихийного произвольного выбора индивидумов. — пишет автор, полемизируя с буржуазными литераторами (стр. 20), — он был вызван к жизни глубокими и закономерными экономическими, социальными и политическими причинами»... Между тем экономические закономерности проявляются только через действия людей и обуславливают их лишь в конечном счете, не исключая свободы выбора. Противопоставлять одно другому не стоит.

Далее описываются тяжелые условия, в которые попадали рабочие-иммигранты в тех отраслях американского хозяйства, где труд их применялся более всего, дискриминация, которой они постоянно подвергались. Разбирая вопрос о расселении иммигрантов по США, А. Н. Шлепаков делает правильное заключение, что это расселение объясняется экономическими обстоятельствами, преимущественно возможностью трудоустройства, в гораздо большей степени, чем близостью соплеменников, на которую часто упирают буржуазные авторы, и т. п. Но роль западных районов США, где уже в то время значительные группы иммигрантов были заняты на рудниках, на рубеже леса и т. д., явно недооценена автором. К тому же неправомерно зачислять в одну рубрику Запад и Юг (стр. 45) и приписывать им обоим экономическое отставание, которым действительно отличался Юг и которое не относилось к развивающемуся Западу.

В этой главе, как и в остальных, обстоятельно излагается американское иммиграционное законодательство. Сильное давление на него оказывало движение рестрикционистов — сторонников ограничения иммиграции, которые ссылались на расистские теории. Борьбе, связанной с ним в буржуазных кругах, уделено в книге немало интересных страниц. Требования об ограничении иммиграции находили поддержку со стороны ряда цеховых профсоюзов и особенно Американской Федерации Труда. В книге подвергнут подробному рассмотрению сложный вопрос об отношении рабочего и социалистического движения к иммиграции и иммигрантам. С этим связано и участие иммигрантов в рабочих организациях. Иммигранты весьма активно сражались в стачечных боях, которыми изобиловал этот период истории США, создавали свои, национальные рабочие организации и участвовали в общеамериканских. Социалистические организации обычно имели секции по национальностям. Автор отмечает, что некоторые такие секции по мере овладения английским языком и т. д. сливались с местными отделениями (стр. 135). Таков был один из путей рабочей ассимиляции.

С рубежа XX в., как отмечено в книге, резко возрастает этническая простота иммиграции и, следовательно, национальная неоднородность американского рабочего класса. Многонациональную иммиграцию этого периода, шедшую из Восточной и Южной Европы, а не из Северной и Западной, как прежде, стали называть «новой». В протяжении всей книги, как и в первой главе, автор противопоставляет ее «старой» иммиграции, как принято в американской литературе. Однако принципиального различия между обоими потоками переселенцев в действительности нет — при всей разнице в исторических периодах и при всех национальных особенностях. Социальное происхождение иммигрантов и социальные их функции в первые десятилетия пребывания в Америке в основном те же.

В период первой мировой войны, которому посвящена вторая глава, правящие круги США проводили курс на усиленную, зачастую насильственную американизацию иммигрантов. В противовес этому в иммигрантских национальных организациях, в том числе социалистических, укрепились тенденции связи с европейской родиной. Усиление национальной дискриминации, происходившее в годы войны, продолжалось и в послевоенные годы, как и попытки форсированной американизации иммигрантов. То были, в сущности, две стороны одной медали. В эти годы, которым посвящена третья глава,

и рабочее движение, и правительственная политика развивались под знаком Октябрьской революции. В этом — центральная мысль автора. Он отмечает, что эмигранты из России чувствовали особую близость к революционной родине, многие возвращались, чтобы помочь ей. Американские правящие круги в страхе перед революцией устроили «трагедию красных». Во время налетов на рабочие организации и передовых деятелей больше всего пострадали иммигранты. Многих выслали из страны. В эти же годы был принят первый из крупных иммиграционных законов, закончивших эпоху массовой иммиграции в США. Автор объясняет это усилением внешней экономической активности США и страхом американской буржуазии перед революционными влияниями извне (стр. 220). В главе освещено возникновение Коммунистической партии. Но в этом разделе, как и в некоторых других частях главы, основной теме — об иммиграции — уделено непропорционально мало внимания.

В следующей главе, охватывающей 20—30-е годы, подробно излагаются все основанные на расистских предпосылках иммиграционные законы 20-х годов, преградившие путь в США прежде всего выходцам из Азии, а также из Восточной и Южной Европы. Огромное влияние на всю жизнь Америки оказал мировой экономический кризис начала 30-х годов, ставший, по верному выражению автора, «трагедией миллионов масс». Он привел к обострению классовой борьбы во всех сферах, к росту и активизации рабочего движения. Автор высказывает интересную мысль, что общие социальные бедствия, «общность социальной судьбы», повышая классовое сознание рабочих, как пришлых, так и старожилов, одновременно способствовали их ассимиляции и межнациональному сплочению (стр. 260, 303).

В 30-е годы, после кризиса, в США создались действительно массовые производственные профсоюзы. Таким образом, впервые была организована основная масса рабочих-иммигрантов, которые составляли большую часть рабочей силы основных отраслей промышленности и которых до тех пор отталкивали цеховые профсоюзы. В истории американского рабочего движения, как и в истории рабочей иммиграции, это — крупная веха. В структуру Конгресса производственных профсоюзов, созданного в те годы и игравшего в ту пору прогрессивную роль, включались национальные профсоюзные комитеты: славяно-американский, итаलो-американский и др. Между прочим, новые профсоюзы охватили множество рабочих-католиков из иммигрантских национальностей и католическая церковь старалась распространить на эти союзы свое влияние.

Этнический состав иммигрантов в тот период изменился. Так как въезд из стран Американского континента не ограничивался, то в США приезжали на работу — постоянную и временную — переселенцы из Канады, и главным образом, Мексики, а также с Пуэрто-Рико. Выходцам из Латинской Америки предстояло образовать важнейшую и все нараставшую струю иммиграции середины XX в.

Годы второй мировой войны, о которых идет речь в пятой главе, оказали разнобразное действие на американских иммигрантов и на межнациональные отношения в США. А. Н. Шлепаков подчеркивает, что война с фашизмом «в огромной степени стимулировала межнациональное сплочение различных групп, и прежде всего, их трудовых элементов» (стр. 320). Вместе с тем возрождались национальные чувства у различных иммигрантских групп, что в большинстве случаев не противоречило межнациональному сплочению на антифашистской основе. Такой характер имела, например, деятельность Американского славянского конгресса. Отмечено также политическое размежевание внутри ряда иммигрантских национальностей, преимущественно выходцев из стран оси. Такой конфликт автор исследует, например, в итальянской группе. Позиции немецкой группы изложены весьма суммарно, без классового анализа, но со ссылкой на то, что немцы — «старые» иммигранты. Это лишь доказывает неправомочность противопоставления «старой» и «новой» иммиграции, о чем уже говорилось выше. Межнациональные и межрасовые конфликты раздувались реакционными силами, а в эти годы они принимали очень резкие формы. В наихудшем положении оказались американские японцы, которые после Пирл-Харбора были высланы из Калифорнии (где большинство их обитало) в концентрационные лагеря внутри страны. Эта огульная дискриминационная мера признается ныне ошибочной и постыдной даже буржуазным общественным мнением.

Последняя глававодит читателя до наших дней. За послевоенные десятилетия в США переселилось более 4,5 млн. чел. (стр. 347). Как будто бы очень много! Но при большой численности населения США и при очень значительном естественном приросте его в послевоенные годы иммиграция уже «не делает погоды». В 1960 г. иммигранты первого поколения составляли 5,4% жителей, а в 1920 г., как и на протяжении шести десятилетий до того, — 13—14% (стр. 355). Соответственно уменьшилась и доля иммигрантов второго поколения, которые, по последней переписи, составляли 13,6% населения (стр. 356). Из этих соотношений и данных о «постепенном исчезновении узконациональных и языковых барьеров» автор делает весьма существенный вывод об усилении национальной однородности населения США (стр. 356, 378). К ней же ведут сдвиги в профессиональном и социальном положении иммигрантов, сближающие их жизненный уровень с жизненным уровнем старожильского населения. Правда, круп-

ные перемены подобного рода сказываются лишь на протяжении поколений и иммигранты последних десятилетий — пуэрториканцы и мексиканцы — в полной мере ощущают на себе дискриминацию и лишения, какие терпели их предшественники, и «новые» и «старые» иммигранты. В смысле иммиграционной политики новейший период отличается попытками организованного размещения и трудоустройства иммигрантов. В особенности это относится к так называемым перемещенным лицам, а также к рабочим-мексиканцам. А. Н. Шлепаков совершенно правильно ставит это в связь с общим усилением государственно-монополистических тенденций и государственного регулирования экономической жизни. На общей реакционной волне маккартизма принимались в этот период репрессивные иммиграционные законы, лишались гражданских прав и выслались из США многие иммигранты, участвовавшие в прогрессивной деятельности. В этой связи вкратце говорится об иммигрантских культурно-просветительных обществах, о чем, к сожалению, не упоминалось в предшествующих главах.

Подробно излагается новый иммиграционный закон, который принят в конце 1965 г. и должен был войти в силу с января 1968 г. Этот закон не исходит из национальных и расовых критериев. Не увеличивая общую цифру допускаемых в страну, он впервые ограничивает иммиграцию из стран Америки.

Американская компартия с большим вниманием относится к национальным группам США и в книге полно освещается ее позиция. В последней главе подробно изложены особые резолюции, принятые в 1959 г. ее XVII съездом по целому ряду национальных меньшинств.

В кратком заключении хорошо подытожены основные выводы работы. С точки зрения этнической истории, главный из них это — движение от возросшей в начале исследуемого периода национальной неоднородности американского рабочего класса и этнической пестроты всего населения США к их этнической консолидации. Автор правильно отмечает, что разноплеменность и многоязычие американских трудящихся составляют трудность для рабочего движения. К сожалению, большинство историков, в том числе и сам автор, ограничиваются только этим положением, не учитывая, что многие национальные отряды обогащали американское рабочее движение более высоким и вообще иным европейским опытом классовой борьбы и классового сознания. Тому немало примеров дает история XIX и XX вв. Вообще социальную жизнь Америки во многом обогатило разнообразие питавших ее источников.

В завершающем книгу историографическом очерке вызывает удивление то обстоятельство, что автор не счел возможным «выделить специфические школы и направления» в американской литературе по иммиграции (стр. 466). В его обзоре мало затронута социологическая литература, которая в современной Америке больше всего разрабатывает этнические отношения, а между тем на некоторые ее произведения автор ссылается в основных главах.

К книге приложены весьма полезные таблицы и диаграммы. Однако цифры, приводимые в тексте, иногда противоречат им. Иногда они противоречат друг другу (например, на стр. 22, 23). Вообще некоторые цифры возбуждают серьезные сомнения (например, на стр. 357, 415).

Иммигранты предстают в этой книге преимущественно как объект деятельности и взглядов правительства, буржуазии, профсоюзной бюрократии, революционного крыла рабочего движения и т. д. Гораздо менее раскрываются жизнь и деятельность самих трудящихся иммигрантов и их национальных групп. Они даны, так сказать, более внешне, чем изнутри. К недочетам книги относится и то, что очень мало показана связь с положением и борьбой трудящихся-негров, особенно для последнего десятилетия, когда негритянское движение оказало большое влияние на борьбу национальных меньшинств. В гл. III и V зачастую излагаются общеполитические события и факты из истории всего американского рабочего движения, известные по другим работам, а иммигрантская тема выделена слабо.

Все перечисленные недостатки не мешают дать книге положительную оценку. Это — серьезный интересный труд, развивающий весьма важную тему и к тому же легко читающийся. Книга способствует развитию советской американистики вообще и советской этноамериканистики — в частности.

Ш. А. Богина

Michael D. Coe. *The Maya. Ancient Peoples and Places*, vol. 52, London, 1966, 252 p. 7 карт., 127 ill.

За последние годы наши познания по истории и культуре древних майя значительно возросли. Прежде всего это связано с тем, что во многих крупных городах майя (Паленке, Тикаль, Алтар де Лос Сакрифисос, Цибильчальтун, Сейбаль и др.) были произведены серьезные раскопки. Заметно продвинулось и изучение письменных источников, в первую очередь неоглифических текстов (работы Ю. В. Кнорозова, Т. Прокураковой, Л. Саттертуэйта, Г. Берлина, Д. Х. Келли и др.). Естественно, что